

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-3-90-103>

Устойчивые сочетания с компонентом *война* в современном медиадискурсе

Таисия Николаевна Буцева¹, Александр Васильевич Зеленин²

¹ Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия, taisbut@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7442-9868>

² Независимый исследователь, г. Тампере, Финляндия, aleksandr.zelenin@tuni.fi, <https://orcid.org/0000-0003-2656-8457>

Аннотация. Устойчивые номинативные словосочетания (далее – УНС) (чаще двухсловные), имеющие в своей структуре слово *война* и обозначающие разновидности межгосударственных конфликтов, начиная с конца 1990-х гг. значительно пополнили русскоязычный медиадискурс (гибридная в., опосредованная в., сетевая в., ментальная в., в. чужими руками, бесконтактная в., в. по доверенности, конвенциональная в., когнитивная в., цивилизационная в., дистанционная в., сетевая в. и др.), что связано с существенным изменением теории и практики ведения современных войн. Новизна предпринятого исследования заключается в лексико-семантическом анализе актуальных словосочетаний данной структуры, не имеющих словарной фиксации. Актуальность исследования определяется злободневностью указанных номинаций в русскоязычных медиа, отсутствием их лингвистического описания. Цель работы – выявить круг УНС со словом *война*, обозначающих названия современных войн, отличных от традиционных и ставших важными для настоящего момента в современном русскоязычном медиапространстве. Задачи: 1) установить количественный состав данной группы наименований; 2) определить механизм появления этих номинаций в русскоязычных медиа; 3) охарактеризовать семантические и стилистические особенности указанных номинаций; 4) рассмотреть перспективы их фиксации в словарях; 5) проследить, как меняется семантика слова *война* в составе устойчивых сочетаний. Материал исследования извлечен из базы данных информационного агентства «Интегрум», ресурсов Гугл и Яндекс и составляет около 50 единиц. Используемые методы: описательный, компонентный, функциональный анализ. Авторы приходят к следующим выводам: составные наименования новых видов межгосударственных конфликтов составляют заметную группу в языке современных русскоязычных медиа. Преимущественно это заимствования из американской военной и политической терминологии, вышедшие за рамки специальной терминологии, которая недостаточно упорядочена. Изменившийся характер современных межгосударственных конфликтов, обозначаемых данными УНС, привел к расширению значения слова *война*. В текстах русскоязычных медиа наблюдается разноречивость при объяснении УНС с компонентом *война*, понимании их родо-видовых отношений, что требует глубокого лингвистического исследования.

Ключевые слова: термин, устойчивое номинативное словосочетание, неологизм, медийный дискурс, заимствование, калька, перифраза

Для цитирования: Буцева Т. Н., Зеленин А. В. Устойчивые сочетания с компонентом *война* в современном медиадискурсе // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 3. С. 90–103. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-3-90-103>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Set phrases with the component *war* in modern media discourse

Taisiya N. Butseva¹, Aleksandr V. Zelenin²

¹ Independent researcher, Saint Petersburg, Russia, taisbut@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7442-9868>

² Independent researcher, Tampere, Finland, aleksandr.zelenin@tuni.fi, <https://orcid.org/0000-0003-2656-8457>

Abstract. Since the late 1990s, set nominal phrases (usually consisting of two words, hereinafter referred to as SNPs) having the word *war* in their structure and denoting types of interstate conflicts have significantly enriched Russian-language media discourse. For instance, we can give such linguistic units as examples: *gibridnaya v.* / English

hybrid w., oposredovannaya v. / English proxy w., setevaya v. / English network w., mentalnaya v. / English mental w., v. chuzhimi rukami / English proxy w., beskontaktnaya v. / English non-contact warfare, v. po doverennosti / English proxy w., konvetsional'naya v. / English conventional warfare, kognitivnaya v. / English cognitive warfare, tsivilizatsionnaya v. / English civilisational warfare, distantsionnaya v. / remote warfare, setetsentrichnaya v. / network centric warfare, and others. The process is due to significant changes in the theory and practice of modern warfare. The novelty of the study consists in the lexical semantic analysis of those current word combinations of this structure which are not yet codified in dictionaries. The relevance is determined by the topicality of these naming units in Russian-language mass media, as well as by the lack of their systematic linguistic description. The article aims to identify the range of SNPs (containing the component *war* in their structure) denoting the names of modern wars that are different from traditional ones and currently significant for Russian-language media landscape. The goals are to: 1) determine the number of units comprising this group; 2) determine the mechanism of their appearance in Russian-language mass media; 3) characterise the semantic and stylistic features of these units; 4) consider the prospects for their codification in dictionaries; 5) trace how the semantics of the word *war* changes when it becomes part of set phrases. The research material (about 50 linguistic units) was obtained from the Integrum database, Google and Yandex resources. The study used descriptive, componential, and functional analysis. The authors come to the following conclusions: compound names of new interstate conflict types form a noticeable group in the language of modern Russian-language mass media. These are predominantly borrowings from American military and political terminology going beyond the scope of special terminology which is not sufficiently standardised. The changing nature of modern interstate conflicts, as denoted by such SNPs, has led to a meaning extension of the word *war*. In Russian mass media texts, there is a discrepancy in explaining the SNPs with the component *war*, as well as in understanding their genus-species relations, which requires in-depth linguistic research.

Keywords: term, set nominal phrase, neologism, media discourse, borrowing, loan translation, periphrasis

For citation: Butseva T. N., Zelenin A. V. Set phrases with the component *war* in modern media discourse. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2024;85(3):90–103. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-3-90-103>.

Введение. С конца 1990-х гг. русскоязычный военно-политический дискурс масс-медиа активно пополняется УНС, включающими слово *война* и обозначающими разновидности современных войн¹. То, что такого рода УНС активизировались в русскоязычных медиа именно на рубеже XX–XXI вв., подтверждает отсутствие их в НСЗ-90². Этот неологический десятилетник зафиксировал характерные для 1990-х гг. УНС с компонентом *война* в другом значении: 'непримиримое противостояние, несогласие, соперничество' (*в. бюджетов, в. банков, в. компроматов, в. памятников, в. суверенитетов*).

Составные наименования со словом *война* отражают изменения в природе современных войн, появление ее новых форм и методов ведения (без объявления войны и прямого вторжения на территорию противника, с использованием чужой армии,

террористических групп, повстанческих отрядов; с применением разных способов информационного морально-психологического воздействия на противника, с разрушением его менталитета, культуры, науки, образования, уничтожением экономики с помощью экономических санкций и т. д.). «Решающую роль в появлении новых войн сыграл процесс глобализации — возможность финансирования таких войн и их дешевизна» [Кузина, Хагуш 2017: 163].

Описываемые словосочетания имеют разную степень новизны. Среди них достаточно много таких, которые ранее существовали в военно-политической научной литературе:

Несмотря на то, что о *гибридной войне* массово заговорили только сейчас, в профессиональных кругах этот термин известен достаточно давно (Новая политика. 2015. 10 дек.).

В данный период они преодолели ограниченность употребления в специальной сфере и вышли на просторы русскоязычного медиaprостранства, что ставит задачу их представления в толковых словарях (неологических, общего типа, иностранных слов).

Теоретической базой исследования является концепция медиатизации, согласно

¹ См.: Буцева Т. Н., Зеленин А. В. Новые и актуализированные слова с компонентом *война* в современном медиадискурсе // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 108–118. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-108-118>.

² Новые слова и значения по материалам прессы и литературы 1990-х годов: в 3 т. / отв. ред. Т. Н. Буцева. СПб.: Дм. Буланин, 2009–2014 (НСЗ-90).

которой массмедиа влияют практически на все сферы общественной жизни (политику, бизнес, культуру, развлечения, спорт, религию, образование) и тем самым оказывают тотальное воздействие на массовое сознание [Дзялошинский, Дзялошинская 2015; Клушина и др. 2019; Коломиец 2020; Hjarvard 2008; Horten 2011; Horbyk 2023 и др.]. Эта тенденция стала формироваться в эпоху глобализации и модернизации: СМИ активно интегрировались практически во все сферы общества. Политические деятели, деловые и общественные организации вынуждены адаптировать свои методы, материал сообщений и стиль общения к форме, которая соответствует потребностям и предпочтениям СМИ. Начало научного описания проблем медиатизации войны и военного дела относится к работам Н. Маклюэна [Маклюэн 2007] и Ж. Бодрийяра [Бодрийяр 2016]. Концепция «медиатизированной войны» (*mediatized war*) вошла в глобальный медийный дискурс в середине 2000-х гг. и получила развитие в 2010-х гг. Если раньше информация о войне находилась в руках профессиональных журналистов, политических и экономических элит, которые могли контролировать военный нарратив, то новые типы войн и их информационное сопровождение бросили вызов и военным, и журналистам, и всему обществу: изменение коммуникации неизбежно сказывается на перестроении медийного и общего лексикона. Как правило, медийный ландшафт становится очень сложным, многослойным и непрозрачным. Широкий круг действующих лиц (государственные и военные органы, профессиональные журналисты, обычные граждане) часто взаимодействуют на одних и тех же платформах медийных и социальных сетей, вследствие чего формируются гибридные медиапрактики [Hoskins & O'Loughlin 2010; Media 2016]. Это ярко проявляется в гибридных формах дискурса, возникающих путем взаимодействия военной сферы и широкого спектра массмедиа [Бачурин 2014; Хомутова, Наумова 2017; Солопова, Наумова 2018], непосредственно отражаясь в языке [Палащенко 2017; Бидеркесен, Агеева 2019; Ле, Чан 2019; Ле 2021; Бойко 2022].

В ситуации военного конфликта контроль над языком со стороны владельцев медиа значительно усиливается, что проявляется в механизмах семантических

трансформаций внутри лексико-семантических групп, в выстраивании новых отношений в синонимических, антонимических рядах, в возникновении большого количества квазисинонимов и квазиантонимов, в изменениях стилистической окраски лексем, их прагматической переориентации, эвфемизации и дисфемизации и т. д. [Прохорова, Машкова 2010; Footitt & al. 2012; Moiseeva & al. 2021].

В нашем материале имеются такие УНС, которые ранее уже встречались в русском языке, затем переместились на периферию, а сейчас снова актуализировались, иногда в другом значении. Примером подобной актуализации может быть УНС *малая война* ('война, производимая малыми отрядами и набегами в неприятельские земли'), зафиксированное в «Военном словаре» С. А. Тучкова³, опубликованном в 1818 г. Возвращение некоторых УНС в активное употребление, как правило, связано с востребованностью всего лексико-семантического поля со значением 'война'.

Иногда в современной публицистике встречается расширительное употребление рассматриваемых УНС применительно к событиям более раннего исторического периода, например:

В XVI веке против России велась *информационная война*, поэтому мы вообще не знаем, был ли Иван Грозный так жесток, как ему приписывают (Неизбежность странного мира: почему new age и оккультизм очаровали советскую интеллигенцию. Интервью с историком культуры И. Кукулиным)⁴.

Приведем пример расширительного, переносного значения УНС данной структуры относительно явлений современности:

В настоящее время я погружен в самую что ни на есть *войну на истощение* — эпистолярную — со многим множеством разбросанных по

³ Тучков С. Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежат, из какого языка взяты, как могут быть переведены на русский, какое оных употребление и к чему служат: в 2 ч. Ч. 1: От А до О. М.: Типография С. Селивановского, 1818. С. 239.

⁴ Indicator [Электронный ресурс]. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/intervyu-kukulin.htm> (дата обращения: 09.01.2024).

В исследовании использованы следующие **методы**: описательный — для характеристики текущего состояния данного фрагмента медиадискурса; сравнительный — при сопоставления англоязычных и русских лексем для установления факта заимствования (английские возможные прототипы заимствований проверялись в нескольких поисковых системах, базах данных и словарях английского языка: на сайте iWEB, Sketch Engine, OED, OneLook)⁵; компонентный анализ — для формулирования значений УНС.

⁶ Формулировки значений с некоторой корректировкой были взяты из интернет-источников.

⁵ English-Corpora: iWEB [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (iWEB) (дата обращения: 10.08.2023); Sketch Engine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 10.08.2023); Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oed.com/?tl=true> (OED) (дата обращения: 10.08.2023); OneLook [Электронный

⁶ Формулировки значений с некоторой корректировкой были взяты из интернет-источников.

правило, из-за пограничных споров и территориальных разногласий (Красная звезда. 2017. 3 марта);

медленная в. (англ. *slow warfare*) = война на истощение:

[Запад] убежден, что на Украине нельзя победить быстро. В этой ситуации, для них могла бы быть выходом так называемая *медленная война*. То есть война на истощение (Континенталист (continentalist.ru) 2023. 10 мая);

в. низкой интенсивности (англ. *low intensity war*) 'военно-политическое межгосударственное противостояние от психологического до военного с низкой степенью вовлеченности в противостояние политических и социальных факторов'; = асимметричная война четвертого поколения:

Фактически американцы ведут *войну низкой интенсивности* против Европы, и эти два события являются частью американской стратегии дестабилизации Европы (Советская Россия. 2001. 3 апр.);

2) цель (ситуация, объект и т. п.), которую стремится достичь, поразить нападающая сторона:

бихейвиористская (бихевиористская) в. (англ. *behavioral warfare, behavioral* 'поведенческий') 'нелетальный тип войны, цель которой — смена поведения противника, достигаемая невоенными методами' = поведенческая война:

Термин «поведенческая война» (или «бихевиористская война») описан весьма расплывчато: «Возможности поведенческих войн связаны с инструментарием, разрабатываемым на стыке когнитивных вычислений, больших данных и междисциплинарного комплекса поведенческих наук» (Экспертный центр электронного государства. 2015. 16 дек.);

в. на истощение (англ. *war of attrition*) 'военные действия с использованием тактики ослабления противника путем постоянных атак или угроз, в результате чего противник истощает свои ресурсы':

США все чаще говорят о том, что России надо втянуть в Сирии в *войну на истощение*, сделать ей второй Афганистан (Право и политика. 2016. № 1);

в. управляемого (контролируемого) хаоса (англ. *war of controlled chaos*) 'создание беспорядков в противоборствующей

стране с помощью информационных, разведывательных, дипломатических и других средств, включая насилие':

С 2010 года, с начала серии государственных переворотов, проводимых в рамках так называемой арабской весны и по настоящее время, мы наблюдаем новый тип войны — *Войну Управляемого Хаоса* (Независ. газета — НВО. 2014. 8 авг.);

преэмптивная в. (англ. *preemptive war, preemptive* 'упреждающий') 'силовые действия, захват территорий, направленные на опережение противника в целях недопущения возникновения угрозы национальной безопасности':

Презэмптивная война предполагает уничтожение потенциальной угрозы противника, когда нападение его не неизбежно или даже вовсе им не планируется (Геополитика (geopolitica.ru). 2021. 30 апр.);

когнитивная в. (англ. *cognitive warfare*) 'целенаправленные действия на подрыв социальных связей и доверия в обществе путем манипуляции публичным дискурсом через СМИ, социальные сети, мобильные устройства':

Одно из ведущих мест в противоборстве принадлежит информационно-психологической войне (войне за сознание, или *когнитивной войне*) (Независ. газета — НВО. 2023. 25 авг.);

консциентальная в. (англ. *conscience war* < лат. *conscientia* 'сознание'; понятие введено в научный оборот Ю. В. Крупновым и Ю. В. Громыко в 1996 г.):

Консциентальная война — война на поражение, перепрограммирование, переформатирование сознания и духовно-нравственных качеств человека, его совести и морали (Красная звезда. 2011. 3 июня);

ментальная в. (англ. *mental war*) 'координированные действия, направленные на уничтожение духовно-нравственных ценностей, традиций и культурно-исторических основ государства, национальной идентичности народа, деморализация армии и общества':

Ментальная война — это новый тип действий, цель которого — захват не территорий, а умов будущих поколений (Парламентская газета. 2021. 2 апр.);

сетевая в. (англ. *network warfare*) ‘разновидность информационной войны, целью которой являются атаки на военные, дипломатические, правительственные, муниципальные, банковские и телекоммуникационные сети’:

Сетевые войны — это явление, которое не всегда связано с интернетом, но всегда связано с таким понятием, как сеть (Лит. газета. 2014. № 45);

3) отсутствие непосредственного соприкосновения с противником за счет использования технологических средств, опосредованности действий через третью силу:

бесконтактная в. (англ. *non-contact warfare*) ‘война, в которой люди практически не принимают участия в боевых столкновениях’ = дистанционная война:

Идея *бесконтактных войн* ввиду неприемлемости больших людских потерь для американского общества стимулирует испытания новых видов «умного» оружия и беспилотников (Профиль. 2003. № 12);

дистанционная в. (англ. *distant war*) ‘вид военной борьбы без непосредственного контакта с противником и обычно с использованием технологических средств (беспилотные летательные аппараты, кибератаки, космические средства и т. д.)’:

Дистанционная война — это вооруженная борьба с противником на расстоянии в отсутствии непосредственного соприкосновения с ним и визуального контроля за его действиями (Красная звезда. 2004. 6 окт.);

опосредованная в. (англ. *proxy war/warfare*) ‘война на чужой территории с помощью третьей силы’ = прокси-война, война по доверенности, война чужими руками:

Понятие «*опосредованная война*» (*proxy war*, другой перевод — война по доверенности) используется в литературе давно (Российская газета. 2018. 17 янв.);

в. на периферии (англ. *war on the periphery*) = прокси-война, война по доверенности, война чужими руками:

Это будет аналог своего рода «*войн по доверенности*» (другое название — «войны на периферии»), которые протекали между СССР и США во время холодной войны (Эксперт. 2014. № 1);

косвенная в. (англ. *indirect warfare*) ‘форма конфликта без непосредственного военного противостояния с использованием неявных методов воздействия на противника: поддержка оппозиции, террористические акты, хакерские атаки, информационная пропаганда и т. п.’:

Соединенные Штаты осознают, что вот-вот проиграют опосредованную (*косвенную*) войну против Российской Федерации (Pravda.ru. 2023. 29 дек.);

в. по доверенности (англ. *agent’s war, proxy war/warfare*) = прокси-война, опосредованная в., в чужими руками:

Нередкими стали так называемые *войны по доверенности*, когда мировые державы провоцируют вооруженные конфликты с использованием различных оппозиционных группировок, не брезгуя и откровенно экстремистскими (Российская Федерация сегодня. 2014. 7 окт.);

4) инструмент воздействия на противника (информационный, психологический, ментальный):

информационно-когнитивная в. (англ. *information and cognitive war*) ‘форма борьбы, сочетающая использование информационных технологий и воздействие на психику и когнитивные процессы людей для достижения стратегических целей’:

Наиболее разрушительными являются *информационно-когнитивные войны*, происходящие в финансовой (обрушение финансовых рынков), информационной (хакерские атаки), политической (создание «организованного» хаоса и финансирование террористической деятельности), идеологической и других сферах (Экономические стратегии. 2017. 30 марта);

информационно-психологическая в. (англ. *information and psychological warfare*) ‘информационное и психологическое воздействие на противника с целью поражения его сознания (индивидуальное, общественное во всех своих формах: историческое, национальное, классовое, профессиональное и т. п.) и системы управления’:

В наши дни одно из главных направлений *информационно-психологической войны* против России заключается в том, чтобы выработать у русских разрушительные комплексы неполноценности и вины, нанести как можно более

мощные психоудары по коллективному сознанию и коллективному бессознательному нации, загнать ее в психологически оборонительную позицию (Лит. газета. 2017. 31 мая);

меметическая в. (англ. *memetic war*) 'информационная и психологическая война с использованием идей, символов, концепций (мемов) в социальных сетях, разрушающих психику, сознание противника':

Сейчас использование социальных сетей, включая троллинг и применение стратегических хэштегов, получило название *меметической войны* (Международная жизнь. 2018. 28 февр.);

психологическая в. (англ. *psychological war*) 'действия подрывной деятельности, осуществляемые психологическими методами с целью вызвать запланированную реакцию у других людей':

Считается, что в медийный оборот термин «*психологическая война*» и сама идея такой войны были введены в 1920 году британским военным теоретиком Джоном Фуллером (Независ. газета — НВО. 2023. 27 окт.);

сетевая/сетевая в. (англ. *network-centric warfare*) 'концепция ведения войны, при которой все участники боевых действий (командование, военная техника, живая сила) объединены в единую информационную сеть':

В СССР Огарков [маршал Советского Союза] фактически придумал концепцию *сетевой войны*. Но... первыми к массовой разработке и практическому осуществлению этой концепции приступили в США в 1990-х годах (gazeta.ru 2021. 2 дек.);

эзотерическая война (англ. *esoteric warfare*) 'действия против другого государства с использованием экстрасенсорики'; ср. *пси-война* (связана с использованием данных парапсихологии):

Эзотерические войны — войны смыслов. В них при помощи специально спланированных операций корежится, перекодируется шкала ценностей атакуемой культуры, меняется ее смысл, разрушается ее топоним (https://topwar.ru/25155-russkie-stali-samoy-bolshoy-zhertvoy-ezotericheskoy-voyny.html?ysclid=lm4dwhuqnlw770683900);

5) сочетание нескольких способов воздействия на противника:

гибридная в. (англ. *hybrid warfare*) 'форма воздействия на противника с использованием

психологических, информационных и коммуникационных методов для изменения восприятия людей, включая распространение дезинформации, манипуляцию информацией и т. п.';

В современной *гибридной войне* уничтожение живой силы противника, захват территорий и ресурсов не являются первостепенными задачами. Большее значение приобретает установление всеобъемлющего контроля над системой ценностей и мировидением жителей страны-противника (Независимое военное обозрение. 2017. № 12);

комбинированная в. (англ. *compound warfare, combined warfare*) 'война с одновременным применением против противника регулярных и партизанских, диверсионных сил':

Сейчас появился термин «*комбинированная война*»: война, включающая в себя экономические, информационные, военные действия и другие (Военное обозрение (topwar.ru). 2015. 19 мая);

6) неявность, скрытность осуществления враждебных действий против противника:

диффузная в. (англ. *diffuse warfare, diffused war*) 'способ ведения межгосударственного конфликта с диффузией временных, пространственных границ конфликтов, субъектов и объектов, средств и методов проведения силовых акций и боевых действий':

Рождается феномен расплывчатых, *диффузных войн*, то есть происходит радикальная модификация силовых акций и методов боевых действий, смещение культурных и пересечение пространственных границ, слияние субъектов и объектов операций (Независ. газета. 2015. 18 сент.);

пассивная в. (англ. *passive warfare*) 'стратегия, в рамках которой противник старается устранить своего соперника через мирные действия, политические и экономические средства вместо открытого вооруженного конфликта':

В прошлом месяце Нью Йорк Таймс отметил: «США расширяют свою *пассивную войну* в Сомали» (Сегодня.Ру. 2011. 21 авг.);

7) соответствие/несоответствие силам противника:

симметричная в. (англ. *symmetric war*) 'военные действия с использованием традиционных боевых средств: вооруженных

сил, техники и оружия в соответствии с установленными правилами международного гуманитарного права»:

Мы не ведем «симметричную» войну: не сражаемся на поле боя, а точно уничтожаем врага на его территории, и при этом иногда есть жертвы среди мирных граждан (Невское время (СПб). 2012. 29 нояб.);

асимметричная в. (англ. *asymmetric warfare*) «конфликт, в котором превосходящие вооруженные силы крупного государства или коалиции государств вторгаются в пределы территории более слабого государства»:

Афганская война стала асимметричной еще до того, как «асимметричная война», провозглашенная Дональдом Рамсфельдом, распространилась на другие регионы планеты (Компания. 2002. № 9);

8) соответствие/несоответствие международным правилам, договорам, традициям: *конвенционная / конвенциональная в.* (англ. *conventional war*) «война, ход которой подчиняется международным конвенциям»:

Конвенционная война предполагает запрет использования оружия массового поражения, запрет совершения военных преступлений и т. п. (Военное обозрение (topwar.ru). 2015. 30 марта);

неконвенциональная в. (англ. *unconventional war*) «война, выходящая за правовые рамки всех законов и иных актов, в частности международного гуманитарного (военного) права»:

Термин «неконвенциональной» войны появился в конце 20 века, придя на смену терминам «партизанская война» и «подрывные действия» (Publizist.ru/blogs. 2020. 16 дек.);

9) использование традиционного/нетрадиционного оружия, других средств:

кинетическая в. (англ. *kinetic warfare*) «война с преимущественным использованием кинетического оружия»:

Сегодняшние страны... легко могут быть уничтожены с помощью нетрадиционных средств, которые не похожи на исторические инструменты обычных (кинетических) войн (Русская Правда (ruspravda.info). 2015. 23 авг.);

некинетическая в. (англ. *nonkinetic war*) «действия против противника без обычных прямых военных действий»:

Россия будет вести некинетическую войну (кибер-психологические операции) (Новости России (news-life.pro). 2021. 8 окт.);

10) этап развития военной мысли, военных стратегий и тактик ведения военных действий:

в. четвертого поколения, в. пятого поколения, в. шестого поколения (англ. *the fourth (fifths, sixth) generation war*):

Таким образом, считают военные теоретики, *в. четвертого поколения* (обычные безъядерные), как бы перешагнув через *пятое поколение* (ядерные), трансформировались в *в. шестого поколения* (обычные безъядерные и без решающих их исход наземных операций сухопутных войск) (Московский комсомолец. 2016. 10 авг.);

11) субъекты военного конфликта:

цивилизационная в. (англ. *civilizational war*) «противоборство государств или их объединений, обладающих равной или сопоставимой совокупностью развитых социальных институтов, культуры, идеологии, индустрии, промышленных производств и т. д.»:

Наступает опасная эпоха беспорядка — эпоха столкновения культур, цивилизаций и экономических интересов, эпоха *цивилизационных войн* за гегемонию, за ресурсы и за собственное будущее развитие, по окончании которых и будет создан новый миропорядок, как уже не раз бывало в истории человечества (Коммерсантъ (Приложение). 2022. 31 марта).

В данном списке представлены УНС разной степени новизны. Значительное место в нем составляют обороты, которые, будучи актуализированными, перешли из терминологического аппарата в более широкое употребление. Актуализация прежних лексических ресурсов является одной из тенденций в лексической системе [Ферм 1994; Складская 2001: vi; Кальнова 2017 и др.]. «Коммуникативная актуальность понятия» [Крысин 2000: 154] вызывает актуализацию лексики, тех или иных лексических единиц, повысивших «функциональную значимость и частотность употребления» [Maksimowicz

2016: 9]. В представленном материале такими являются, в частности, следующие УНС: *информационная в., в. на истощение, в. по доверенности, в. цивилизаций, гибридная в., комбинированная в., малая в., конвенционная в., неконвенциональная в.* и др.

Синонимизация и перефразирование УНС со словом *война*. На данном материале можно наблюдать семантические дубли, возникшие:

- за счет синонимии суффиксов прилагательных (*конвенционная в. / конвенциональная в.; сетевая в. / сетевая в.*);

- в результате калькирования и транскрибирования заимствования (*прокси-война* < англ. *proxy* 'доверенность, полномочие, совершаемые по доверенности' = *в. по доверенности, опосредованная в., в. чужими руками; бихевиористская в. / бихевиористская в.* (< англ. *behavioral* 'поведенческий') / *поведенческая в.*);

- при использовании разных синтаксических конструкций (*цивилизационная в. / в. цивилизаций*);

- за счет синонимии входящих в УНС прилагательных (*гибридная в. — комбинированная в., бесконтактная в. — дистанционная в.*) и др.

Таким образом в языке формируются синонимические ряды, что отражает «тенденцию обозначать... явления, играющие важную роль в том или ином коллективе, большим числом синонимов» [Ульман 1970: 266]. Вследствие этого социолингвистического факта происходит сгущение синонимов вокруг актуальных понятий текущей ситуации: *гибридная в. — комбинированная в., медленная в. — в. на истощение, бесконтактная в. — дистанционная в.; в. чужими руками — в. по доверенности — опосредованная в. — прокси-война; опосредованная в. — косвенная в.* и др.

В терминологии эти обозначения должны иметь четкие дефиниции и понятийные характеристики, однако в массмедийной коммуникации в процессе детерминологизации они могут утрачиваться, их семантика становится более диффузной. В публицистических контекстах эти номинации могут синонимизироваться в общем значении 'неклассические методы ведения войны'. Их можно назвать квазисинонимами, имеющими в толковании как общую, так

и несовпадающую части. Проиллюстрируем примерами:

Джош Эрнест объявил о том, что США не намерены вести с Россией в Сирии *креативную войну*, или *войну чужими руками* (Независ. газета. 2015. 15 окт.); [Согласно директиве Пентагона] финансирование и планирование операций *нерегулярной* (или *асимметричной*) *войны* отныне приравнивается по рангу к обычным военным операциям (Независ. газета — НВО. 2008. 19 дек.); *Гибридная (асимметричная) война...* не является чем-то принципиально новым (Красная звезда. 2016. 3 июня).

Иногда словосочетание поясняется с помощью слова-термина:

С начала XX века до современности *война чужими руками* (опосредованная или *прокси-война*) заняла особое место в усилиях консолидированного Запада, направленных на разрушение и раздел России (<https://vezdaweekly.ru/news/20226281325-ZFvdk.html>).

Проблема лексикографирования УНС со словом *война*. Отсутствие УНС из данного списка в толковых словарях русского языка обусловлено относительно недавним их распространением в неспециальных источниках, а также установками, спецификой некоторых лексикографических изданий (хронологическими рамками словаря, недостаточным охватом обследуемых текстов при формировании словника, отношением к фиксации актуализированной лексики (некоторые неологические издания), составных наименований (словари иностранных слов) и т. д.).

Сложность описания этой лексики в толковой лексикографии во многом связана и с тем, что данная терминология к настоящему времени недостаточно упорядочена специалистами в области военных и политических наук, поскольку отдельные военные стратегические направления находятся еще на стадии начального формирования и обсуждения. Содержание понятий, обозначаемых указанными составными номинациями, их родо-видовые отношения продолжают дискутироваться; см.:

Мыслители и политики много говорят о цивилизационных войнах. Но что это такое — *цивилизационная война*, — вразумительный ответ на этот вопрос вы вряд ли найдете (Лит. газета. 2006. № 11); «*Информационная война*», равно

как и «гибридная война», является чрезвычайно «зонтичным» термином, корректное в методологическом плане определение которого было изначально крайне затруднительным (КОНТ. Геополитическая блог-платформа (cont.ws). 2021. 20 окт.).

Одним из наиболее частотных из данных оборотов является УНС *гибридная война* (на первом месте со значительным опережением в нашем корпусе стоит *информационная война*). Хотя специалистами сформулированы особенности такой войны (отсутствие четкого разграничения мира и войны, создание двусмысленности для установления ответственности, подрыв доверия между институтами государства и людьми, между гражданами, скрытная подрывная деятельность против объекта агрессии, стратегия придания конфликту затяжного характера и т. д.), некоторые эксперты признают эту концепцию спорной, а ее трактовки остаются недостаточно корректными:

Гибридная война остается спорной концепцией, и нет общепринятого определения гибридной войны. Ее подвергли большой критике в связи с отсутствием концептуальной ясности, в связи с тем, что это лишь общая фраза или модное словечко, и в связи с тем, что ничего нового в политические дебаты это не привнесло (<https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/11/30/gibridnaya-vojna-novye-ugrozy-sloyonosti-i-doverie-kak-antidot/index.html>); Идея «гибридной войны» постоянно подвергалась концептуальному растяжению, и поэтому сегодня она кажется довольно расплывчатой и неоднозначной концепцией... Существует пять основных интерпретаций понятия «гибридная война»... Термин «гибридная война» использовался для описания широкого спектра агрессивных действий с различными характеристиками, и это делает его весьма неоднозначным понятием (<https://tiberius66.livejournal.com/1607009.html>).

Разнобой в понимании и объяснении данных терминов в массмедийных текстах проявляется прежде всего в том, как (через что) они толкуются: *война...*, *вооруженная война...*, *вооруженная борьба...*, *война с одновременным применением...*, *военные действия...*, *боевые действия...*, *враждебные действия...*, *силовые действия...*; *координированные действия, направленные на...*; *военно-политическое противостояние...*, *противоборство государств или их объединений...*, *международный конфликт...*, *метод ведения*

конflikта..., *военная тактика...*, *способ ведения межгосударственного конфликта...*, *форма воздействия на противника...*, *намеренное создание беспорядков в противоборствующей стране...*, *стратегия, в рамках которой...*, *целенаправленная манипуляция (сознанием, эмоциями противника)...*, *концепция ведения войны...* и т. д. Родо-видовые типы толкования здесь достаточно редки: *тип войны...*, *разновидность какой-л. войны...*, *комплексная форма подрывной деятельности...* и т. д., хотя многие из описываемых в статье УНС являются видом по отношению к традиционной войне или важной составляющей конкретной войны, например гибридной, информационной.

Отдельную проблему представляет выделение из общей массы УНС данной структуры, являющихся продуктом деятельности журналистов. В публикациях иногда указывается на их природу:

Термин «*война управляемого хаоса*», конечно, является не строго профессиональным, а скорее публицистическим, подчеркивающим характерную сущность войны нового типа. Но в СМИ его допустимо применять (Военное обозрение. 2014. 26 окт.); Термин «*информационная война*» на протяжении многих десятилетий не воспринимался серьезно: его считали ловкой находкой «газетчиков» (<https://cont.ws/@Vindobona2014/2113454>).

Для более корректного описания представленных здесь УНС требуется провести исследование не только текстов массмедиа, но и специальных текстов военно-политической тематики.

Современная эволюция семантики слова *война* и ее лексикографическое отражение. Представленные в данной статье УНС практически не имеют словарной фиксации. Не попали они ни в академические неологические словарные издания, ни тем более в большие толковые словари⁷, над которыми сейчас ведется работа, ни в словари иностранных слов. В некоторой степени последовательно они включаются в Википедию.

⁷ См.: Большой академический словарь русского языка. Т. 3. М.; СПб.: Наука, 2005. 664 с. (БАС-3); Словарь русского языка XXI века / под ред. Г. Н. Складневской (рукопись) (СРЯ-XXI).

Проанализированный материал позволяет говорить о том, как данные УНС оказывают влияние на семантику слова *война*. Наиболее развернутое толкование его базового значения дает БУСРЯ⁸: ‘организованная вооруженная борьба между государствами, народами или общественными группами внутри государства, которая сопровождается массовой гибелью людей, разрушениями, разгулом зла, а также крупномасштабная организованная вооруженная борьба с кем-, чем-л., направленная на достижение определенной цели’.

Приведем толкование всех значений слова *война* в двух других толковых словарях:

БТС⁹: 1. Вооруженная борьба между государствами, народами, племенами и т. п. или общественными классами внутри государства; 2. С опр.[еделением] Борьба за достижение своих целей, ведущаяся средствами экономического, политического и т. п. воздействия на кого-, что-л. (экономическая, валютная, идеологическая, психологическая, таможенная в.); 3. Разг. Проявление неприязненного отношения к чему-л., действия, направленные на искоренение чего-л. // О неприязненных отношениях; постоянных ссорах с кем-л.;

СРЯ-XXI¹⁰: 1. Вооруженная борьба между государствами, народами или общественными классами; военные действия; военное время. *Ядерная в. Биологическая в. Δ Звездные войны*; 2. *какая, в чем*. Конфликтные отношения между государствами, при которых обе стороны используют средства экономического и идеологического воздействия. *Экономическая в. Психологическая в. Δ Холодная война*; 3. Организованные действия, направленные на уничтожение кого-, чего-л. (*объявить войну ракетам; в. с терроризмом*); 4. Непримируемое противостояние, несогласие, соперничество (*в. законов, в. суверенитетов*); 5. Разг. Перен. Состояние вражды между отдельными лицами; ссора.

В семантической структуре слова *война* анализируемых УНС присутствуют следующие компоненты:

— 1-е значение: ‘вооруженная борьба, конфликт, организованные враждебные действия’; ‘конфликт между государствами’;

— 2-е значение: ‘используются средства экономического, политического и т. п. воздействия’ без значительного расширения этого ряда воздействий (в частности, например, чрезвычайно важного информационного воздействия). При этом во 2-м значении нет компонентов ‘частое их совмещение’, ‘между народами или общественными классами’, компонента ‘военные действия’ как факультативного.

Как видим, анализируемые УНС не вполне подходят к 1-му и 2-му значениям БТС и СРЯ-XXI. Не ставя целью редактировать данные словарные статьи, попробуем сформулировать предварительное толкование слова *война* в его обновленном значении: ‘организованная борьба одного государства против другого с использованием информационно-психологических и других средств воздействия с целью подавления воли противника, изменения его сознания, разрушения менталитета, экономики, культуры, образования и т. д., прибегая или не прибегая к военному насилию’.

Лексикографирование УНС описываемой группы позволит точнее воспринимать их семантику в средствах массмедиа, адекватно оценивать информацию, описываемую с их помощью, употреблять обороты в письменной форме в соответствии с нормами русского языка, повысит лингвистическую культуру читателей и журналистов.

Выводы. В период с конца 1990-х гг. русскоязычный медийный дискурс пополнился обширным рядом УНС, имеющих в своей структуре слово *война* и являющихся преимущественно терминами, пришедшими из американской военной терминологии сначала в военный научный русскоязычный дискурс, а затем расширившими сферу своего употребления и актуализированными в массмедиа.

В составных наименованиях новых видов современных войн нередко эксплицируются: степень интенсивности, масштабы ведения военных действий; цель (ситуация, объект и т. п.), которую стремится достичь, поразить нападающая сторона; отсутствие непосредственного соприкосновения с противником за счет использования технологичных средств, опосредованности действий

⁸ Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА. 2016. С. 126–127 (БУСРЯ).

⁹ Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт. 1998. С. 145 (БТС).

¹⁰ СРЯ-XXI.

через третью силу; инструмент воздействия на противника (информационный, психологический, ментальный); сочетание разных способов воздействия на противника; неявность, скрытность осуществления враждебных действий против другого государства.

Семантические дублеты среди описываемых УНС возникают за счет синонимии суффиксов прилагательных; при калькировании и транскрибировании заимствований; при использовании разных синтаксических конструкций, близких значений входящих в них прилагательных.

Находясь в специальном обращении достаточно длительное время, эта терминология тем не менее не упорядочена специалистами в области военных и политических наук. Некоторые военные доктрины современных войн, обозначенные УНС, пребывают еще в стадии теоретической и практической разработки. До сих пор ведутся споры по поводу объема и содержания этих понятий, предлагается множество дефиниций, которые не соответствуют нормам, предъявляемым к толкованию терминов. Это приводит к не всегда корректному объяснению их в текстах массмедиа через другие УНС. Выстроить непротиворечивую классификацию указанных терминов нельзя без структурирования формулы их толкования, установления и учета родо-видовых отношений внутри данной лексико-семантической группы.

Нельзя утверждать, что вся эта лексика окажется жизнеспособной и закрепится в русском языке. В связи с этим включение ее в толковые словари должно быть весьма осторожным. Очевидно, первую словарную фиксацию таких УНС можно дать, например, в неографических выпусках ИЛИ РАН «Новое в русской лексике. Словарные материалы» (НРЛ) (включение актуализированной лексики в них не противоречит неологической концепции Н. З. Котеловой). Обобщение же результатов освоения этих словосочетаний в русском языке возможно при возобновлении работы по подготовке неологических десятилетников и сводного словаря неологизмов за несколько десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачурин В. Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном

военно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 99–104.

2. Бидеркесен Д., Агеева Ю. В. Функционирование военной лексики в языке СМИ // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 1(26). С. 35–38. <https://doi:10.26140/bgz3-2019-0801-0006>.

3. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было / пер. с франц. А. Качалова. М.: Рипол-Классик, 2016. 223 с.

4. Бойко Б. Л. Военная лексика и военная терминология в словарях и текстах различных функциональных стилей // Военно-филологический журнал. 2022. № 3. С. 5–13.

5. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Медиатизация социальной сферы // PR и СМИ в Казахстане (научные труды): сб. Вып. 9 / авт.-сост. и гл. ред. Л. С. Ахметова. Алматы: Казак университеті, 2015. С. 31–41.

6. Кальнова О. И. О новых и актуализированных значениях в русском языке // Acta Universitatis Lodzianae. Folia Linguistica Rossica. 2017. № 14. С. 91–97. <https://doi:10.18778/1731-8025.14.10>.

7. Коломиец В. П. Медиатизация медиа. М.: Изд-во Московского университета, 2020. 256 с.

8. Клушина Н. И., Байгожина Д. О., Тахан С. Ш. Медиатизация: стилистический вектор // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2(17). С. 57–62. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10386>.

9. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык в конце XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 142–161.

10. Кузина С. И., Хагуш С. Л. Новые виды войн в процессах глобальной конкуренции государств // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. Ростов н/Д, 2017. № 3. С. 160–164.

11. Ле А. В. Полисемия в военной терминологии современного русского языка // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей X Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2019. С. 197–199.

12. Ле А. В., Чан М. Т. К вопросу о заимствовании в русской военной терминологии (на материале текстов СМИ) // Современная наука: гуманитарные науки. 2019. № 9. С. 146–150.

13. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. 464 с.

14. Палажченко М. Ю. Эвфемизация военно-политической лексики как способ ведения

информационной войны // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. Вып. № 61. С. 298–309. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru/Publ.html> (дата обращения: 10.08.2023).

15. Прохорова О. Н., Машкова Е. В. Лексико-семантические особенности репрезентации субфрейма «Достижение успеха в вооруженных конфликтах» (на материале английского языка) // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2010. № 4. С. 70–77.

16. Солопова О. А., Наумова К. А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. № 4(54). С. 15–21.

17. Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период. Uppsala: Almqvist and Wiksell, 1994. 212 с.

18. Хомутова Т. Н., Наумова К. А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 49–53.

19. Footitt H., Kelly M. Languages at War: Policies and Practices of Language Contacts in Conflict. London: Palgrave Macmillan, 2012. 288 p. <https://doi.org/10.1057/9781137010278>.

20. Horbyk R. Mediatization of War and the Military: Current State, Trends, and Challenges in the Field // Contemporary Challenges in Mediatization Research / Katarzyna Kopecka-Piech (ed.). Göran Bolin, London: Routledge, 2023. № 1. P. 111–128.

21. Horten G. The Mediatization of War: A Comparison of the American and German Media Coverage of the Vietnam and Iraq Wars // American Journalism. 2011. № 28(4). P. 29–53. <http://dx.doi.org/10.1080/08821127.2011.10677801>.

22. Hjarvard S. The Mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29, № 2. P. 105–134.

23. Hoskins A., O'Loughlin B. War and Media: The Emergence of Diffused War. Cambridge: Polity Press, 2010. 227 p.

24. Maksimowicz E. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. Лексико-семантические изменения. Białystok: Prymat, 2016. 220 с.

25. Media and the Ukraine Crisis: Hybrid Media Practices and Narratives of Conflict. Mervi Pantti (ed.). New York: Peter Lang Publishing, 2016. 192 p. (Media 2016).

26. Moiseeva I., Strenadyuk G., Remizova V. The concept "military/armed conflict" in terms of foreign language teaching methods // SHS Web of Conferences. 2021. Vol. 128, № 01023. <http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/202112801023>.

REFERENCES

1. Bachurin V. D. Manipulative technologies used by mass media in modern military-political discourse. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*. 2014;4:99–104. (In Russ.)

2. Biderkesen D., Ageeva J. V. Functioning of military lexis in the language of the media. *Baltijskii humanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2019;8(1):35–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.26140/bgz3-2019-0801-0006>.

3. Baudrillard J. The spirit of terrorism. There was no Gulf War / Trans. by A. Kachalov. Moscow: Ripol-Classic, 2016. 223 p. (In Russ.)

4. Boyko B. L. Military vocabulary and military terminology in dictionaries and texts of various functional styles. *Voenno-Filologicheskii Zhurnal = Military-philological journal*. 2022;3:5–13. (In Russ.)

5. Dzyaloshinsky I. M., Dzyaloshinskaya M. I. Mediatization of social sphere. *PR i SMI v Kazakhstane (nauchnye trudy): sb. Vyp. 9 = PR and mass media in Kazakhstan (scientific works): vol. 9* / L. S. Akhmetova (ed.). Almaty: Kazakh University, 2015. P. 31–41. (In Russ.)

6. Kalnova O. I. About new and updated values in the Russian language. *Acta Universitatis Lodzjensis. Folia Linguistica Rossica*. 2017;14:91–97. (In Russ.) <https://doi.org/10.18778/1731-8025.14.10>.

7. Kolomiets V. P. Mediatization of media. Moscow: Moscow University Press, 2020. 256 p. (In Russ.)

8. Klushina N. I., Baigozhina D. O., Takhan S. Sh. Mediatization: a stylistic vector. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik = Verkhnevolzhsk Philological Bulletin*. 2019;2:57–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10386>.

9. Krysin L. P. Foreign-language word in the context of modern social life. *Russkii yazyk v kontse XX stoletiya (1985–1995) = Russian language at the end of the twentieth century (1985–1995)* / E. A. Zemskaya (ed.). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. P. 142–161. (In Russ.)

10. Kuzina S. I., Khagush S. L. New types of wars in the processes of global competition of states. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scholar notes of the SCAGS*. 2017;3:160–164. (In Russ.)

11. Le A. V. Polysemy in military terminology of the modern Russian language. *Sovremennaya nauka: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sb. statei X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 ch. Ch. 1 = Modern science: topical issues, achievements and innovations: collection of articles of the 10th International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Pt. 1*. Penza: Nauka i Prosveshchenie Publ., 2019. P. 197–199. (In Russ.)

12. *Le A. V., Tran M. C.* To the question of borrowing in Russian military terminology (on the material of media texts). *Sovremennaya nauka: gumanitarnye nauki = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*. 2019;9:146–150. (In Russ.)
13. *McLuhan G. M.* Understanding media: human external extensions / Trans. by V. G. Nikolaev. Moscow: Giperboreya; Kuchkovo pole Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)
14. *Palazhchenko M. Yu.* Creating euphemisms for military-political lexemes as means of informational warfare. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = Public Administration. E-journal (Russia)*. 2017;61:298–309. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru/Publ.html> (accessed: 10.08.2023). (In Russ.)
15. *Prokhorova O. N., Mashkova E. V.* Lexical and semantic peculiarities of representation of the subframe "Achievement of success in military conflicts" (on the material of English language). *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*. 2010;4:70–77. (In Russ.)
16. *Solopova O. A., Naumova K. A.* Hybrid discourse formats: problems of classification. *Filologicheskii klass = Philological Class*. 2018;4:15–21. (In Russ.)
17. *Ferm L.* Peculiarities of Russian lexicon development in the newest period. Uppsala: Almqvist & Wiksell International, 1994. 212 p. (In Russ.)
18. *Khomutova T. N., Naumova K. A.* Military-political discourse as a special type of discourse. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika = Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics*. 2017;3:49–53. (In Russ.)
19. *Footitt H., Kelly M.* Languages at war: policies and practices of language contacts in conflict. London: Palgrave Macmillan, 2012. 288 p. (In Engl.) <https://doi.org/10.1057/9781137010278>.
20. *Horbyk R.* Mediatisation of war and the military: current state, trends, and challenges in the field. *Contemporary challenges in mediatisation research* / K. Kopecka-Piech (ed.). G. Bolin, London: Routledge, 2023. P. 111–128. (In Engl.)
21. *Horten G.* The mediatization of war: a comparison of the American and German media coverage of the Vietnam and Iraq wars. *American Journalism*. 2011;28(4):29–53. (In Engl.) <https://doi.org/10.1080/08821127.2011.10677801>.
22. *Hjarvard S.* The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change. *Nordicom Review*. 2008;29(2):105–134. (In Engl.)
23. *Hoskins A., O'Loughlin B.* War and media: The emergence of diffused war. Cambridge: Polity Press. 2010. 227 p. (In Engl.)
24. *Maksimowicz E.* Russian language at the turn of 20th–21st centuries. Lexical and semantic changes. Białystok: Prymat, 2016. 220 p. (In Russ.)
25. Media and the Ukraine Crisis: hybrid media practices and narratives of conflict / M. Pantti (ed.). New York: Peter Lang Publishing, 2016. 192 p. (Media 2016). (In Engl.)
26. *Moiseeva I., Strenadyuk G., Remizova V.* The concept "military/armed conflict" in terms of foreign language teaching methods. *SHS Web of Conferences*. 2021;128(01023). (In Engl.) <https://doi.org/10.1051/shsconf/202112801023>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Таисия Николаевна Буцева, кандидат филологических наук

Taisiya N. Butseva, Candidate of Sciences (Philology)

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук

Aleksandr V. Zelenin, Doctor of Science (Philology)

Статья поступила в редакцию 06.10.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted 06.10.2023; approved after reviewing 20.01.2024; accepted for publication 05.02.2024.